

жано: внутренний, душевный его обликъ остается затѣненнымъ. Во всякомъ случаѣ — ничего лишняго, а С. В. Рахманиновъ, Пушкинъ рояля, проводитъ это правило и въ музыкѣ. Его безчисленные поклонники по всѣхъ странахъ міра будутъ г. фонъ-Риземану чрезвычайно благодарны. Свой трудъ онъ озаглавилъ очень скромно: «Воспоминанія Рахманинова, рассказанныя фонъ-Риземану». Однако, многое и цѣнное внесъ отъ себя, конечно, и авторъ книги.

Излагать содержаніе книги подобнаго рода, конечно, не возможно и незачѣмъ: люди, интересующіеся русскимъ искусствомъ, прочтутъ ее. Остается выполнить повинность рецензента: отмѣтить недостатки. Есть въ книгѣ г. фонъ-Риземана погрѣшности совершенно несущественныя. Такъ, напримѣръ, на стран. 151 рассказъ Лермонтова названъ «Княжна Бѣла», — хотъ Бѣла и княжна, но рассказъ называется просто «Бѣла». Есть и спорныя положенія: едва ли можно согласиться съ г. фонъ-Риземаномъ въ томъ, что С. В. Рахманиновъ неудачно выбиралъ либретто («Алеко», «Скупой Рыцарь», «Франческа да Римини»). Есть и пропуски: очень жаль, что встрѣчъ Рахманинова съ Толстымъ отведено четыре строчки (мнѣ приходилось слышать рассказъ Сергѣя Васильевича объ этой встрѣчѣ, чрезвычайно интересной и характерной для Толстого). Недостатки книги незначительны, а достоинства ея велики. Помимо того, что это первый подробный рассказъ о жизни человѣка, составляющаго гордость искусства, читатель узнаетъ изъ труда г. фонъ-Риземана немало новаго и по новѣйшей исторіи музыки въ Россіи. Книга непременно должна быть издана и по-русски.

М. Алдановъ.

Рецензія эта была уже набрана, когда пришло извѣстіе о безвременной кончинѣ автора книги, Оскара фонъ-Риземана. — Ред.

Fedor Stepan. Das Antlitz Russlands und das Gesicht der Revolution. Leipzig. Gotthelf-Verlag. 1934.

«Знать и понимать — различныя вещи». Этими словами открывается книга Ф. Степуна. И далѣе онъ уточняетъ значеніе термина понимать, давая социологамъ совѣтъ не столько «придерживаться идеологическихъ научныхъ точекъ зрѣнія», сколько приучаться смотрѣть на историческія явленія «всегда болѣе объективными глазами великихъ художниковъ». Понимать — въ настоящемъ, буквально-смыслѣ этого слова (какъ у Пушкина: понимать душой всѣ ваши совершенства) — значитъ воспринимать вещи всѣми нашими духовными способностями: видѣть ихъ въ ихъ взаимной связи, переживать ихъ какъ одно цѣлое и такъ, чтобы они стали какъ бы частью насъ самихъ, нашей жизни. Ясно, что книга, предназначенная для того, чтобы подвести къ такому пониманію, сама должна быть понята именно такъ и что, следовательно, самымъ надежнымъ критеріемъ ея цѣнности будетъ впечатлѣніе, ею производимое. Въ области литературы, жаждущей за предѣлами «художественной» въ обыденномъ, общепри-

нятомъ смыслѣ слова, мало можно назвать книгъ, которыя удовлетворяли бы этому требованію въ такой же мѣрѣ, какъ книга Ф. Степуна, которыя бы такъ волновали — не «яркими образами», не «жгучими пафосомъ», что очень любить и науковѣрцы и чего совершенно нѣтъ у автора, — но единственно конкретностью мысли. Всѣ мы, взрослые люди, видѣли Революцію, но мало кто увидѣлъ съ такою отчетливою идейю Революціи, какъ системы раскрывшихся въ ея процессѣ духовныхъ силъ, и никто, кажется мнѣ, не находилъ столь опредѣленныхъ, столь четкихъ и тонкихъ формулъ выраженія увидѣннаго. Столь насыщена мыслью эта книга, столь нерасторжима связь между отдѣльными сужденіями въ ней, что для того, чтобы дать представленіе о ея содержаніи, пришлось бы процитировать ее чуть-ли не цѣликомъ. Впрочемъ, въ значительной степени въ ней обобщено то, что русскому читателю должно быть извѣстно изъ «Мыслей о Россіи», печатавшихся авторомъ въ «Совр. Запискахъ». Не выходя изъ рамокъ рецензіи, я могу остановиться лишь на окончательномъ выводѣ автора, являющемся выѣстъ и формулировкой общаго смысла Революціи и указаніемъ пути къ ея преодолѣнію: «большевизмъ — проявленіе полученной ложное направленіе религіозной энергіи русскаго народа, псевдоморфоза русской потребности вѣрнѣ (Gläubigkeit) и потому не можетъ быть преодоленъ ничѣмъ инымъ какъ возрожденіемъ вѣры въ Распятаго». Второй членъ тезиса автора представляется мнѣ безспорнымъ. Первый вызываетъ на нѣкоторыя возраженія, сколь тѣсно онъ ни связанъ логически со вторымъ, изъ чего слѣдуетъ, что я отнюдь не оспариваю вѣрности лежащей въ основѣ его мысли: я хочу только сказать, что формула эта не покрываетъ всѣхъ результатовъ анализа генезиса Революціи и дѣйствующихъ въ ней силъ, сдѣланнаго авторомъ. Я имѣю въ виду въ особенности тѣ замѣчательныя мѣста его книги, гдѣ идетъ рѣчь о различіи между идеями и идеологіями — антитеза, которая можетъ быть сведена къ антитезѣ культурности и полунинтелигентности — и гдѣ выяснена громадная роль слоя людей, обладающихъ «идеологіей», но лишенныхъ идеи. Тамъ-же великолѣпно показано средство между духомъ революціи и духомъ реаліи. Если выразить, для краткости, этотъ послѣдній, пользуясь формулою Ключевского — «одержимость преданіемъ и никакой идеей», то для духа Революціи, поскольку «полунинтелигентщина» есть одинъ изъ ея значительнѣйшихъ факторовъ, подойдетъ перифраза этой формулы: одержимость революціонной идеологіей и никакой идеей. Это значитъ, что и антитеза религіозная вѣра и науковѣрце (какъ обоснованіе революціонной идеологіи) кроется въ себѣ двусмысленность (какъ и самый терминъ Gläubigkeit въ приведенной выше формулѣ). Одно — вѣровать, другое — принимать на вѣру. Полунинтелигентское науковѣрце фактъ вовсе не специфически русской. Современное вырожденіе демократіи, въ своихъ самыхъ разнообразныхъ проявленіяхъ, обусловлено имъ тѣснѣйшимъ образомъ. На науковѣрціи основанъ, напр., и культъ «чистоты расы» и все, что изъ этого вытекаетъ. Полунинтелигентское науковѣрце, съ точки зрѣнія своей духовной структуры, не имѣетъ ничего общаго съ на-

уковѣриемъ, скажемъ, Сень-Симона, или Бѣлинскаго, или Тэна, или Маркса. Оно есть проявленіе не повышенной духовности, лишенной своего истиннаго объекта, а бездуховности, «смѣшанской» тупости, пошлости. Всякое отдѣльное историческое событіе имѣетъ свой собственный смыслъ, такъ или иначе резюмирующій смыслъ всей исторіи даннаго народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, — поскольку въ настоящее время весь міръ сталъ «вселенной» и всякая національная исторія — частью міровой исторіи, — понять, что совершается сейчасъ гдѣ бы то ни было, значитъ понять многое изъ того, что происходитъ повсюду на свѣтѣ. Волна «полунинтелигентской» пошлости сейчасъ заливаєть весь цивилизованный міръ. И жуткій смыслъ этого факта уясняется съ особой наглядностью при чтеніи книги Ф. Степуна, посвященной индивидуализации русскаго историческаго процесса.

П. Бицилли.

Oskar Wulf. Die neurussische Kunst. Filser. Augsburg. 1932.

Книга О. Вульфа о русскомъ искусствѣ послѣпетровскаго періода вышла въ томъ же издательствѣ, какое опубликовало книгу Брунова и Алпатова о древне-русскомъ искусствѣ, ей приданъ тотъ-же внѣшній видъ, иллюстраціи точно такъ же выдѣлены въ особый томъ, но стоитъ бросить взглядъ хотя бы только на эти иллюстраціи, чтобы убѣдиться въ томъ, какъ непохожа работа берлинскаго ученаго на книгу двухъ русскихъ авторовъ, о которой мы говорили въ предыдущемъ выпускѣ «Современныхъ Записокъ». Конечно, несходство это въ значительной мѣрѣ объясняется различіемъ самыхъ темъ. Пора сказать себѣ прямо, что русское искусство, особенно живопись послѣднихъ двухъ вѣковъ, не терпитъ, по качеству своему, никакого сравненія съ искусствомъ древне-русскимъ. Икона Рублева равна лучшему, что когда-либо создало европейское искусство; русская живопись XVIII-го и XIX-го вѣка отступаетъ на второй планъ, а то и вальше, по сравненію не только съ живописью французской, но и нѣмецкой, и даже англійской того же времени. Послѣ Эрмитажа лучшее было не ходить въ Музей Александра III, развѣ лишь въ иконное отдѣленіе этого музея. Все это грустно, но на все это не слѣдуетъ закрывать глаза. Большое количество воспроизведеній съ русскихъ картинъ XIX-го вѣка трудно было бы дать при нѣкоторой строгости къ ихъ качеству, а строгости этой Россія и русское искусство въ цѣломъ, слава Богу, исполнѣ достойны. Авторъ книги, о которой идетъ рѣчь, оказался судьей слишкомъ ужъ благосклоннымъ, и въ выборѣ иллюстрацій проявилъ мягкость, граничащую съ отказомъ выбрать.

Оскаръ Вульфъ — профессоръ берлинскаго университета, выдающийся ученый, историкъ ранне-христіанскаго и византійскаго искусства. Дѣтство и молодость свою онъ провелъ въ Россіи, знаетъ русский языкъ, сохранилъ привязанность къ русской жизни и русской культурѣ. Знаніе трудовъ русскихъ ученыхъ очень пригодилось ему для работы по его ближайшей специальности. Берлинскій музей обя-